

**Материалы Семинара-совещания на филологическом факультете МГУ.
«Тарас Шевченко и славянские культуры.
К 200-летию со дня рождения»**

А.Г. Машкова

Всеславянская идея и Т. Шевченко

А я тихо
Богу помолюся,
Щоб усі слав'яне стали
Добрими братами...
Т. Шевченко

Значение Шевченко известно всякому, кто любил родное славянское слово и был доступен чему-нибудь высокому...

Н.С. Лесков

Аннотация: Автор анализирует творчество и общественно-политические взгляды Т. Шевченко в контексте формирования в Славянском мире объединительной идеи и обращает внимание на существование и другой тенденции – формирование национального самосознания и национальных литератур.

Ключевые слова: общеславянское сознание, славянская идея, культура славянских народов, «Братство св. Кирилла и Мефодия»

Abstract: The author analyzes the literary works and socio-political views of T. Shevchenko in the context of the formation unifying idea in the Slavic world and draws attention to the existence of another trend – the formation of national identity and national literatures.

Key words: Slavic consciousness, Slavic idea, the cultures of the Slavic peoples, «Brotherhood of St. Cyril and Methodius»

Важной особенностью славянских литератур рубежа XVIII–XIX вв., т. е. периода, который вошел в историю как Национальное возрождение, является тесная связь литературы с процессом самоутверждения наций. По мере «пробуждения» славян в их общественном сознании противостоят две основные тенденции. Первая тенденция связана со стремлением как можно полнее выразить себя, проявить свои национальные особенности, свою самобытность. Вто-

рая тенденция, как определил ее русский славист Т.Д. Флоринский, – это «течение центростремительное», которое характеризуется широким проявлением общеславянского сознания, распространением всеславянской идеи. «Повсюду в славянском мире, – писал Флоринский, – раздаются голоса о племенном и культурном родстве всех ветвей славянского племени... и даже пожелания выработки общеславянской политической программы»¹.

Как известно, славянская идея декларирует общность, взаимность исторических судеб, культур и языкового родства славянских народов. Она всегда существовала как изменяющийся комплекс идеологий, мифов, артефактов. Зародившаяся в недрах культуры славянских народов в эпоху Петра I славянская идея под воздействием усиления политического и культурного влияния России, ее военных побед заставила Запад задуматься о том, кто такие славяне, и начать диалог с ними. Позже, в рамках уже новой мифологии, появляются различные западные версии этой идеи, воплощенные в трудах многих философов, и прежде всего – Гердера, который сравнивал процессы, происходящие в странах, где живут славяне, со становлением древнегреческой цивилизации. Немецкий ученый с большой симпатией относился к славянским народам, сожалел по поводу того, что «многие нации, но больше всего немецкие племена совершали по отношению к ним тяжелые преступления»². Гердер мечтал о том времени, когда славянское содружество «пробудится от своего долгого тяжкого сна, сбросит с себя цепи рабства...» и разбудит «погруженную в сон Европу, заставит ее служить тому же духовному началу»³. Не случайно, чешский историк, первый президент Чехословацкой республики Т.Г. Масарик называл Гердера «главным учителем славян в эпоху Возрождения»⁴.

Объединительную идею славянских народов отстаивали многие славянские общественные деятели, ученые, писатели XIX в. Будучи категорией концептуальной, идеологической и геополитической, она имела в разных частях славянского мира различные модификации. В частности, на территории Словакии и Чехии возникла и получила широкое распространение так называемая идея «славянской взаимности», которую активно популяризировали такие писатели и ученые, «будители», как Коллар, Шафарик, Добровский, Юнгман, Челаковский и др.

Ярким примером художественного воплощения славянской идеи является поэма словацкого поэта Яна Коллара «Дочь Славы» (1824). Аналогичные мысли были положены в основу его трактата под названием «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» (1841). Присутствие славянской идеи прослеживается в поэзии, а также в научных трудах словацкого ученого П.Й. Шафарика («Славянские древности», 1837; «Славянская этнография», 1841 и др.)⁵. Российские слависты, литераторы очень высоко оценивали творчество Шафарика

¹ Флоринский Т.Д. Людовит Штур и его сочинение «Славянство и мир будущего» // Штур Л. Славянство и мир будущего. 2-е изд. СПб., 1909. С. V.

² <http://coollid.net/d/153361/read>

³ Гердер И.Г. Избр. соч. М.; Л., 1959. С. 324.

⁴ Masaryk T.G. Česká otázka. Praha, 1969. S. 64.

и Коллара. Так, Будилович называл поэму «Дочь Славы» «евангелием всеславянства». Он отмечал, что славянская идея родилась в недрах истории славян, а заслуга Коллара состоит в том, что он «открыл и выяснил ее, подобно как Коперник – движение земли, а Ньютон – закон всемирного тяготения»¹. Именно тем, что славянская идея своими корнями уходит в далекое прошлое, по мнению Будиловича, «объясняется как цельность его (Коллара. – А.М.) мирозерцания, так и быстрота распространения колларовского всеславянства на Западе, отчасти и у нас. Особенно Словачина, – писал Будилович, – стала с тех пор как бы классической страной этого направления. Оно проникло во все отрасли науки и поэзии этого малого, но даровитого народа. В сочинениях, например, Голлого и Кузмани, Йоз. Гурбана и Годжи, Штура и Халупки, Хелло и Краля, Сладковича и Гвездослава (Орсага), особенно же даровитого поэта Светозара Гурбана... мы на каждом шагу натываемся на влияние идей Коллара. В меньшей степени это можно сказать о чехах, но все же в сочинениях Челаковского, Гавличека, Тыла, Воцеля, Эрбена, Святоп. Чеха заметно влияние «Дочери Славы», то же проявляется в сочинениях Людовита Гая, Станко Врза и Прерадовича, Кукулевича и Медо-Пучича, Петра II Негоша, князя Николая Черногорского у сербо-хорватов и Прешерна и Косеского у словинцев»².

Многие стихи из поэмы Коллара «Дочери Славы», по сути, стали хрестоматийными. А.Н. Пыпин и В.Д. Спасович признавали, что с нее «открывается целый ряд поэтических произведений, повторяющих ту же тему всеславянского единения...»³. Если говорить о русской поэзии, то мысли, созвучные колларовским, звучали в творчестве А.С. Пушкина, А.И. Одоевского, А.С. Хомякова, Ф.И. Тютчева и других поэтов. Выражая свое отношение к основным аспектам славянской идеи, они нередко даже использовали сходную образность. К примеру, это обращение к романтическому «водному» образу, т. е. изображению семейства славян как большой реки, а отдельных ее народов в виде ручьев, потоков, стекающих в эту реку или море. У Коллара мы читаем:

Сдается мне: весь род славян – большая
 Река, что путь величественный свой
 Хоть медленно, но мощно совершая,
 Течет упорно к цели вековой...⁴

Пушкин в стихотворении «Клеветникам России» вопрошал:

⁵ Я. Коллар и П.Й. Шафарик были словаками, ощущали себя сыновьями словацкого народа, но в силу своих политических убеждений писали на чешском языке. Поэтому их нередко относят к чешской культуре.

¹ Будилович А.С. Ян Коллар. Речь, произнесенная в Торжественном собрании Санкт-Петербургского Славянского Общества, 13 декабря 1893 г., почетным членом профессором А.С. Будиловичем. СПб., 1893. С. 5.

² Ibid. С. 12–13

³ Пыпин А.Н., Спасович В.Д. История славянских литератур: В 2 т. Т. 2. СПб., 1881. С. 952.

⁴ Коллар Я. Сто сонетов. М., 1973. С. 125.

Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? Вот вопрос...¹

Одоевский, сблизившийся с организацией Общество соединенных славян, в стихотворении «Славянские девы» писал по поводу семейства славянских народов:

Боже, когда же сольются потоки
В реку одну, как источник один?
Да потечет сей поток-исполин,
Ясный, как небо, как море широкий...²

Встречается этот «водный» образ и у украинского поэта Т. Шевченко, который был знаком с поэзией и научными трудами Коллара и Шафарика.

Среди сторонников идеи всеславянства был русско-украинский историк, просветитель, друг Срезневского, Бодянского, Данилевского, Пыпина – Николай Иванович Костомаров. С 1845 г. он жил в Киеве и был одним из идеологов и создателей тайного «Братства св. Кирилла и Мефодия» (1846). Он написал для этого общества «Устав и правила», в котором речь шла о «пропаганде идей освобождения и единения славянских народов». Будучи организацией политической, а не научной, «Братство» отстаивало необходимость объединения всех славян в федерацию, в состав которой должны были войти Украина, Россия, Польша, Чехия, Сербия и Болгария. Позже Костомаров вспоминал: «В то время всю мою душу занимала идея славянской взаимности, общения духовного народов славянского племени, и когда я навел разговор с Шевченко на этот вопрос, то услышал от него самое восторженное сочувствие, и это более всего сблизило меня с Тарасом Григорьевичем»³.

Именно Костомаров привлек Шевченко, который в 1840-е гг. был его соседом и тоже жил на Крещатике, в «Братство св. Кирилла и Мефодия». Один из современников Костомарова и Шевченко, поляк Ю. Беллина-Кенджицкий, хорошо знавший обоих, описывает сцену разговора Костомарова с Шевченко по поводу этой организации следующим образом: Костомаров с горячностью говорил о том, что «так, как есть, – плохо. Немцы, французы, англосаксы держатся вместе, а мы, Славяне, каждый ходим своей дорогой... Так вот, продолжал Костомаров: прежде всего надо собрать всех образованных славян в одно общество, пусть познакомятся, пусть обсудят сами дела, про долю поговорят и недолю, о том, что у всех наболело... такое братство проложит дорогу лучшему будущему – федерации славян. Когда между нами установится согласие, когда все поймут силу единения, когда народ получит образование, только тогда мы сможем стать единой политической силой...

¹ Пушкин А.С. Клеветникам России // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1977–1979. Т. 2. С.339

² Одоевский А.И. Славянские девы // Стихи русских поэтов о родине. М., 1988. С. 23.

³ Брат мой Тарас. Шевченко и Николай Костомаров // <http://www.voskres.ru/bratstvo/malyutina2.htm>. С. 3.

Сегодня нас терзают все, кому не лень. Славянские народы стали удобренным для немцев. Немцы куют свою силу и славу на трупах славян...» В ответ на это Шевченко сказал: «Собирай в одно славянские головы! Должен же кто-нибудь собрать и пересчитать их... Когда капусту из мешка вываливают, она в разные стороны рассыпается, должен же ее кто-нибудь собрать»¹.

В своей автобиографии Костомаров вспоминал, что, когда он сообщил Шевченко о существовании общества, тот сразу же изъявил желание войти в него, но отнесся к его идеям, как пишет Костомаров, «с большим задором и крайнею нетерпимостью»², что послужило поводом для жарких споров между ними, так как в отличие от Костомарова Шевченко, представляя радикальную часть «Братства...», негативно воспринимал идею самодержавной формы правления для будущей федерации. Он был сторонником федерации, которую, по его мнению, должен быть возглавлять славянский собор, состоящий из представителей всех славянских народов. Под влиянием Шевченко и революционно настроенной части общества в его программу были записаны следующие слова: «восстанет Славянщина, и не останется ни царя, ни графа, ни герцога, ни помещика, ни боярина, ни крестьянина, ни холопа – ни в Великой России, ни в Польше, ни в Украине, ни в Чехии...» Как и другие члены «Братства», после его закрытия Шевченко был арестован, но никаких доказательств его принадлежности к организации обнаружено не было, поэтому следствием был сделан вывод о том, что он, не являясь ее членом, действовал самостоятельно, «увлекаясь», как было отмечено, «собственной испорченностью»³. В итоге его освободили и отправили на военную службу в Оренбург.

Еще до вступления в «Братство...», в начале 1840-х гг., в творчестве Шевченко отчетливо прослеживается колларовский мотив судьбы славянства. Как и у Коллара, в нем звучит боль по поводу распри между славянскими народами, которые он призывает к согласию. С негодованием высказывается он в адрес их поработителей. Одновременно Шевченко верит в наступление времен, когда между славянами воцарится мир и они станут свободными. Все эти мысли присутствуют в поэме «Гайдамаки» (1842), в отрывке из трагедии «Никита Гайдай» (1841), в поэме «Еретик» (1845), в стихотворении «И мертвым и живым» (1845), где он вспоминает деятелей словацкой и чешской культуры – Коллара, Шафарика, Ганку. В разделе «Предисловие», который завершает поэму «Гайдамаки», Шевченко провозглашает: «Нехай житом-пшеницею, як золотом, покрита, не розмежованою останеться навіки од моря і до моря – слав'янська земля»⁴.

Еще более эмоционально призыв к объединению звучит в трагедии «Никита Гайдай». Сохранился отрывок из третьего действия этой трагедии, в котором рассказывается о том, как главный герой – юноша по имени Никита – намеревается исполнить свой патриотический долг и отправиться с послани-

¹ Ibid. S. 3–4.

² Ibid. S. 7.

³ Ibidem.

⁴ Шевченко Тарас. Гайдамаки // <http://lib.ru/su/ukraina/shevchenko/gaidamak.text>

ем Богдана Хмельницкого к польскому королю Владиславу IV с жалобой на бесчинства польской шляхты. Любовь к Украине, ее героическому прошлому, звучащие в этом отрывке, созвучны романтической концепции общеславянского единства:

«Славяне, несчастные славяне! Так нещадно и так много пролито храброй вашей крови междоусобными ножами. Ужели вам вечно суждено быть игрищем иноплеменников? Настанет ли час искупления? Придет ли мудрый вождь из среды вашей погасить пламенный раздор и слить воедино любовию и братством могущественное племя?»¹

В поэме «Еретик» (ее первоначальное название – «Ян Гус») мысли о судьбах славянских народов, необходимости их единения, избавления от иноземного владычества, как и в поэме Коллара «Дочь Славы», станут центральными. Произведение повествует о героической и трагической судьбе великого сына чешского народа Яна Гуса, разоблачавшего немецких феодалов и католическую церковь. Его судьбу Шевченко сравнивает с судьбой Христа. Гус так же мужественно шел на «суд нечестивый», как Христос на Голгофу. При этом историю Яна Гуса, «задумавшего разорвать оковы адовы», автор проецирует не только на чешский народ, но и на всех славян. В своей молитве Гус взывает:

Прозріте, люди, день настав!
Розправте руки, змийте луду.
Прокиньтесь, чехи, будьте люди,
А не посмішище ченцям!
Розбойники, кати в тіарах
Все потопили, все взяли,
Мов у Московії татаре,
І нам, сліпим, передали
Свої догмати!.. кров, пожари,
Всі зла на світі, війни, чвари,
*Пекельних мук безкрайї ряд...*²

И далее:

Кругом неправда і неволя,
Народ замучений мовчить.
І на апостольськїм престолі
Чернець годований сидить.
Людською кровію торгує
Людською кровію шинкує
І Рай у найми оддає!
Небесний Царю!..
О Боже! Суд Твій всеу
Небесний Царю! Суд Твій всеу,
*І всеу царствіє Твоє*³.

¹ Шевченко Тарас. Никита Гайдай // <http://litopys.org.ua/shevchenko/shev301.htm>

² Шевченко Тарас. Еретик // <http://litopys.org.ua/shevchenko/shev135.htm>. S. 3.

³ Ibid. S.2.

Вступительная часть поэмы «Еретик» посвящена Шафарику, которому автор послал ее в знак уважения. По воспоминаниям современников, читая это Посвящение, Шафарик, «плакал слезами благодарности». В этой части поэмы Шевченко славит великого сына словацкого народа, называя его «Світочим правди, волі...»:

Слава тобі, любомудре,
Чеху-слав'янине!
Що не дав ти потонути
В німецькій пучині
Нашій правді. Твоє море
*Слав'янськеє, нове!*¹

Чтобы придать миссии Шафарика общечеловеческую значимость, автор использует библейский образ Пророка Иезекииля из «Книги Пророка Иезекииля». Иезекииль был чудотворцем, призванным Богом на пророческое служение, спасителем иудеев. После катастрофы Иерусалима он стал утешителем и пророком спасения, выразителем надежд на будущее обновление. Аналогичную роль отводит Шевченко и Шафарику. И подобно тому, как за Иезекиилем пошел народ, славяне откликнулись на призыв Шафарика.

І слав'ян сім'ю велику
Во тьмі і неволі
Перелічив до одного,
Перелічив трупи,
А не слав'ян. І став єси
На великих купах,
На розпугті всесвітньому
Іезекілем,
І – о диво! трупи встали
І очі розкрили,
І брат з братом обнялися
І проговорили
Слово тихої любові
Навіки і віки!
І потекли в одно море
*Слав'янській ріки!*²

В этом же Посвящении есть и другой библейский образ, который также встречается в «Книге Пророка Иезекииля». Это образ огня войны, пожара, символизирующего гибель Иерусалима и иудеев. Поэма Шевченко также начинается с описания пожара, горящей хаты, которую зажег «злой сосед», с рассказа о драматической судьбе оставшихся сирот – «славянских детей». Однако, как пишет поэт, на этом пожарище

¹ Ibid. S. 1.

² Ibid. S. 2.

... Гліла іскра,
Та й гаснути стала,
Тихо дотлівала
Тихо дотлівала
Гліла, дожидала
На розпутті широкому,
Незримо сіяла
*Та й гаснути стала*¹.

Благодаря «доброму», «смелому», «орлиному» сердцу (так автор характеризует Шафарика), эта искра превратилась в огонь взаимной любви славянских народов, который зажег великий славянин Шафарик. Мотив освобождения славян прослеживается и в использовании автором 22 стиха из Псалма 117. Он звучит так: «Камень, который отвергли строители, сделался главою угла: это от Господа, и есть дивно в очах наших»². В этом Псалме речь идет о времени возвращения евреев из плена вавилонского. Описывается ликование еврейского народа, освободившегося от врагов и завершившего при поддержке Господа, несмотря на тяжелые обстоятельства, постройку второго храма. Еврейский народ был близок к гибели, но Господь спас его, помог построить храм, который можно рассматривать как церковь, основанную на Христе. Сама постройка храма в толковании Шевченко – это начало новой жизни, когда славяне будут свободны. Именно в этом заключена и миссия Гуса, с именем которого связано начало строительства новой церкви. Заключительные строки поэмы звучат оптимистически: несмотря на трагическую судьбу чешского патриота, его правое дело живет, оно в руках его соратника и преемника Яна Жижки. Именно в этом ключе следует воспринимать не только поэму, но и все творчество Шевченко.

Ченці і барони
Розвернулись у будинках
І гадки не мають
Бенкетують та інколи
Те Деум співають.
Все зробили... Постривайте!
Он над головою
Старий Жижка з Таборова
*Махнув булавою*³.

Литература

Флоринский Т.Д. Людовит Штур и его сочинение «Славянство и мир будущего» // Штур Л. Славянство и мир будущего. 2-е изд. СПб., 1909.

Гердер И.Г. Избр. соч. М.; Л., 1959.

Masaryk T.G. Česká otázka. Praha, 1969.

¹ Ibid. S. 1.

² Библия. Ветхий Завет. Псалтирь. 117: 22.

³ Шевченко Тарас. Еретик // <http://litopys.org.ua/shevchenko/shev135.htm>

Будилович А.С. Ян Коллар. Речь, произнесенная в Торжественном собрании Санкт-Петербургского Славянского Общества, 13 декабря 1893 г., почетным членом профессором А.С. Будиловичем. СПб., 1893.

Пытин А.Н., Спасович В.Д. История славянских литератур: В 2 т. Т. 2. СПб., 1881.

Коллар Я. Сто сонетов. М., 1973.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1977–1979. Т. 2.

Стихи русских поэтов о родине. М., 1988.

Библия. Ветхий Завет. Псалтирь

Интернет-ресурсы

Брат мой Тарас. Шевченко и Николай Костомаров // <http://www.voskres.ru/bratstvo/malyutina2.htm>. С. 3.

Шевченко Тарас. Гайдамаки // <http://lib.ru/su/ukraina/shevchenko/gaidamak.text>

Шевченко Тарас. Никита Гайдай // <http://litopys.org.ua/shevchenko/shev301.htm>

Шевченко Тарас. Еретик. // <http://litopys.org.ua/shevchenko/shev135.htm>. С. 3.

Сведения об авторе:

Алла Германовна Машкова,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alla G. Mashkova,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University